

Научная статья / Original research article
УДК 316.4:323.28:364.6
DOI:10.31660/1993-1824-2025-4-23-38
EDN: KBZWQE

Роль общественных организаций в социальном конструировании антитеррористических смыслов (на примере деятельности комитета «Матери Беслана»)

А. Н. Гадиева

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Российская Федерация
Центр исследования приграничных регионов Юга России Института социально-политических
исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Влади-
кавказ, Российская Федерация
izmir-alana@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается деятельность общественных организаций и анализируется их роль в социальном конструировании антитеррористических смыслов на примере деятельности комитета «Матери Беслана». Методология исследования основана на синтезе теоретических подходов социологии конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман), теории культурной травмы (Дж. Александер) и социологии коллективной памяти (М. Хальбвакс). В качестве методов были применены кейс-стади, критический дискурс-анализ деятельности комитета. Результаты исследования показывают, что комитет, выступая агентом памяти, правды и дипломатии, формирует нарративы, основанные на правах жертв, абсолютном моральном осуждении террора. Новизна исследования заключается в рассмотрении организации жертв террора как активного конструктора смыслов, а не пассивного объекта поддержки. В статье изучаются различные механизмы формирования альтернативных смыслов через правозащитную, мемориальную и дипломатическую практику в условиях современной государственной концепции безопасности. Подобные организации вносят ключевой вклад в развитие гуманистического измерения антитеррористической культуры, построенной на памяти, праве и сострадании.

Ключевые слова: антитеррористический дискурс, общественные организации, комитет «Матери Беслана», культурная травма, коллективная память, нарратив, гражданское общество

Для цитирования: Гадиева, А. Н. Роль общественных организаций в социальном конструировании антитеррористических смыслов (на примере деятельности комитета «Матери Беслана») / А. Н. Гадиева. – DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-23-38 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – № 4. – С. 23–38. – EDN: KBZWQE

The role of civil organizations in the social construction of anti-terrorist meanings: a case study of the Mothers of Beslan Committee

Aneta N. Gadieva

© А. Н. Гадиева, 2025

*V. I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies VSC of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russia Centre for the Study of Border Regions of the South of Russia, Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russian Federation
izmir-alana@rambler.ru*

Abstract. The paper explores the activities of civil organizations and their role in the social construction of anti-terrorist meanings, focusing on the work of the Mothers of Beslan Committee as a case study. The study methodology integrates theoretical frameworks from the sociology of reality construction (P. Berger, T. Luckmann), cultural trauma theory (J. Alexander), and the sociology of collective memory (M. Halbwachs). The methods include case studies and critical discourse analysis of the committee's activities. The results of this study reveal that the committee acts as an agent of memory, truth, and diplomacy, creating narratives rooted in the rights of victims and firmly condemning terrorism. The study novelty is viewing an organization of terror victims as an active producer of meaning rather than a passive recipient of support. The paper discusses the various mechanisms through which alternative meanings are formed, including human rights advocacy, memorial practices, and diplomatic efforts, all set within the contemporary framework of state security. Such organizations play a crucial role in fostering a humanistic aspect of anti-terrorism culture, one that emphasizes memory, law, and compassion.

Keywords: anti-terrorist discourse, public organizations, Mothers of Beslan Committee, cultural trauma, collective memory, narrative, civil society

For citation: Gadieva, A. N. (2025). The role of civil organizations in the social construction of anti-terrorist meanings: a case study of the Mothers of Beslan Committee. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 23-38. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2025-4-23-38

Введение

Терроризм — одна из наиболее серьезных угроз глобальной безопасности в XXI веке, дестабилизирующая основы современного общества. Противодействие этому вызову традиционно рассматривается через призму силовых и правоохранительных мер, реализуемых государственными институтами. Однако все большую значимость приобретает гуманитарное измерение антитеррористической деятельности, связанное с осмыслением последствий терактов, поддержкой пострадавших и формированием устойчивых общественных иммунитетов к идеологии насилия. В этом контексте ключевую роль начинают играть институты гражданского общества и в частности общественные организации, созданные жертвами терактов.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью общественных организаций не как пассивных объектов поддержки, а как активных субъектов, участвующих в социальном конструировании антитеррористических смыслов и ценностей россиян. Они становятся агентами трансформации травматического опыта граждан в публичные нарративы, влияющие на общественное сознание, государственную политику и культуру памяти.

Цель статьи — анализ механизмов и практик социального конструирования антитеррористических смыслов на примере деятельности комитета «Матери Беслана» для понимания роли гражданских инициатив в формировании безопасного социального пространства. Для достижения цели решаются следующие задачи:

- теоретическое обоснование исследования через синтез концепций социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман), культурной травмы (Дж. Александер) и коллективной памяти (М. Хальбвакс);
- анализ исторического и социально-политического контекста деятельности комитета «Матери Беслана»;
- выявление ключевых направлений деятельности комитета (социально-правовое, мемориальное, дипломатическое) как практики смыслостроительства;
- определение и оценка эффективности основных антитеррористических нарративов, формируемых комитетом.

Объектом исследования выступает деятельность общественных организаций жертв терроризма, предметом — практики социального конструирования антитеррористических смыслов в деятельности «Матерей Беслана».

Методология и методы исследования

В основу теоретико-методологической базы легли теория социального конструирования реальности для анализа процессов формирования смыслов, теория культурной травмы для объяснения механизмов освоения обществом шокирующих событий, социологический подход для изучения коллективной памяти.

Методы исследования: контент-анализ материалов СМИ; кейс-стади деятельности «Матерей Беслана», полуформализованное интервью экспертов ($n = 12$), анкетный опрос потерпевших ($n = 100$). Объем генеральной совокупности составил $N = 1982$ человека (официальные данные следственной группы по расследованию Бесланского теракта). Выборка формировалась стратифицированным методом со случайным отбором внутри страт. Критерии включения: возраст — 30–70 лет; статус — официально признанные потерпевшие в результате теракта. Исследование позволяет получить репрезентативные данные о мнении потерпевших с доверительной вероятностью 95 % и погрешностью ± 8 %. При этом стратифицированный метод формирования выборки обеспечил репрезентативность по ключевым демографическим и социальным характеристикам.

В качестве 12 экспертов выступили научные сотрудники, депутат парламента, журналисты, блогеры, общественные активисты, госслужащие, обладающие компетенциями в области гражданского общества и достаточной информацией о деятельности комитета «Матери Беслана».

Опросы были проведены в апреле — мае 2025 года Центром исследования приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН совместно с отделом социально-политических исследований Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева.

Результаты и обсуждение

Основой теоретического осмысления исследования служит трактат «Социальное конструирование реальности», который формирует онтологический фундамент работы, делая любое социальное явление проблемой и предлагая рассматривать ее как результат коллективного соглашения и непрерывного социального процесса [1]. Основная идея подхода П. Бергера и Т. Лукмана заключается в том, как человек создает социальную реальность и как эта реальность создает человека. Авторы работы апеллируют такими понятиями, как институционализация, легитимация, габитуализация. Указанные дефиниции позволяют анализировать практики памяти из разовых, повторяющихся действий, ритуалов памяти (ежегодные митинги, церемонии), превращающихся со временем в рутинные (габитуализация), позднее в опривыченные действия, становящиеся социальными институтами с собственными ролями и правилами (институализация). НКО, занимающиеся памятью, — это институционализированная форма изначально стихийного желания сохранить память, которые требуют обоснования и оправдания (легитимация) через обращение к морали, праву или историческим нарративам. Это ключевой процесс для движений жертв — они стремятся легитимировать свою версию прошлого, свой статус жертв через обращение к морали, праву, историческим документам [1].

Глубокая психологическая травма ведет к социальному кризису, который разрушает привычный жизненный мир человека, образуя «смысловой вакуум», где разворачивается борьба за придание событию значения и конструирование новых смыслов [4]. В этом контексте теории конструирования помогают анализировать травму и ее последствия. Был ли это «неизбежный эпизод истории», «трагедия», «преступление» или «акт сопротивления»? Ответ на этот вопрос и есть предмет социального конструирования.

Используя концепцию Беккера, можно идентифицировать ключевые акторы, «моральных предпринимателей» (лидеров НКО, активистов, интеллектуалов), которые имеют ресурсы, чтобы определить явление как социальную проблему, артикулировать ее и навязать общественному мнению. Лидеры НКО, харизматичные активисты, публичные интеллектуалы часто выступают в этой роли, артикулируя проблему и предлагая ее решение («нам нужен мемориал», «виновные должны быть наказаны», «закон должен быть изменен») [5].

Коллективная память и травма рассматриваются М. Хальбваксом, Дж. Александером как возможность конструировать новые смыслы. Память, по мнению Хальбвакса, понимается не как просто данность, а как динамичный, противоречивый процесс. Память представляется им не как архив, а как конкурирующее поле. Разновекторность памяти — официальная государственная память, память самих жертв, память «обывателей» — часто создает конфликтующие версии [3].

Дж. Александер «культурную травму» мыслит не просто как сумму индивидуальных травм, а как процесс, в ходе которого коллективное сознание воспринимает

страшное событие как травму, становящуюся частью групповой идентичности. Например, Великая Отечественная война, Холокост, распад СССР, крупные теракты современности. Дж. Александер подчеркивает, что травма не присуща событию (самому по себе), а является результатом сложной работы по ее «конструированию» через нарративы, образы, ритуалы [2].

В этом контексте НКО и движения жертв можно рассматривать как те самые «социальные рамки», в которых живет и передается память [3]. В отдельных случаях канонизировать определенную версию памяти берутся НКО. Они становятся агентами мемориализации: создают архивы, издают книги, организуют музеи, проводят экскурсии, лоббируют установку памятников, буквально «воплощая» память в практиках и физических объектах [6].

Исследователь гражданского общества Ю. Хабермас выявил, какими ресурсами и конкретными механизмами негосударственные акторы осуществляют конструирование реальности и памяти, воздействуя на публичную сферу и общественное мнение [7]. Общественные организации в сфере памяти действуют как «переводчики», трансформирующие личный опыт в публично сформулированные требования и экспертные знания, влияя на политическую повестку.

Руководствуясь концепцией «народной дипломатии» (track-two diplomacy), теоретики гражданского общества объективно утверждают, что НКО могут выступать в роли негосударственных посредников, создавая для коммуникации каналы, позволяющие смягчать напряженность через проведение совместных мемориальных проектов и исторических диалогов [8].

Существенное значение в создании новых нарративов имеет «политика жертвы» (victimhood politics) и ее ресурсы. По мнению Б. Кэмпбелла, Дж. Мэннинга, статус жертвы проявляется в стремлении признания, компенсации и изменении законодательства [9]. Этот ресурс обеспечивает моральный авторитет и право на выступления по данной тематике.

Изучим деятельность комитета «Матери Беслана», поскольку она связана с трагическими событиями 1–3 сентября 2004 года, ставшими примером коллективной травмы и социального действия. Теракт в Беслане в школе № 1 привел к гибели 334 человек, более половины (186) из которых — дети [10]. Это событие, признанное актом терроризма на государственном уровне, породило глубокий социальный кризис и «смысловой вакуум» [4], потребовавший осмысления и интерпретации. Как отмечают исследователи, из-за катастроф подобного масштаба складываются условия для формирования «групп жертв», которые берут на себя функцию выдвижения требований правды и справедливости, трансформируя частное горе в публичную проблему [11]. Трагедия в Беслане спустя годы стала событием, вокруг которого начался процесс социального конструирования новой коллективной идентичности и памяти [2].

Комитет «Матери Беслана» был основан в феврале 2005 года по инициативе женщин, потерявших родственников во время теракта и получивших личный опыт травмы, который привел к формированию у них публичной позиции. Изначально организация создавалась как неформальное, спонтанное движение, однако со временем приобрела черты структурированной НКО с коллективным руководством, хотя и сохранила свойственный таким объединениям «эмоциональный» тип управления. Эволюция комитета демонстрирует классический путь от стихийной солидарности на основе общего горя к институционализированной форме социального активизма [1], где лидеры выступают в роли «моральных акторов» [5], определяющих проблему и мобилизующих ресурсы для ее решения.

Заявленные цели комитета:

- установление полной правды о теракте: требование независимого расследования всех обстоятельств события, включая действия силовых структур, что стало центральным и наиболее конфликтным пунктом повестки;
- правовая защита и поддержка пострадавших: оказание юридической помощи, сопровождение судебных процессов (в том числе по делу Н. Кулаева), борьба за социальные гарантии;
- сохранение памяти о жертвах: мемориализация трагедии через личные истории, публичные акции (например, ежегодные мероприятия 1 сентября), противодействие «забвению». Эта деятельность напрямую соотносится с теорией М. Хальбвакса о том, что память существует и поддерживается в рамках конкретных социальных групп [3];
- профилактика терроризма и международное признание трагедии: стремление придать истории Беслана глобальное звучание, чтобы предотвратить подобное в будущем [12].

Изначально работа организации в основном заключалась в систематическом взаимодействии с правоохранительными органами и судами, прокуратурой, следственным комитетом в ходе судебных процессов. По мнению одного из экспертов, *«Комитет "Матери Беслана" своей непримиримостью и активностью в судебных процессах сделал значительный шаг в привлечении внимания государства к вопросу террористической безопасности»* (научный сотрудник, муж., 45 лет). Схожих взглядов придерживаются и другие эксперты.

В российском обществе деятельность «Матерей Беслана» была оценена неоднозначно. С одной стороны, участницы комитета вызывали широкое сочувствие. С другой, в публичном поле их постепенно стали представлять как группу, управляемую «третьими силами» и использующую свое горе в политических целях, что является классическим элементом «политики жертвы» в условиях ее претензий [13]. По этому поводу один из экспертов выразил следующую точку зрения: *«Реакция матерей на страшнейшую трагедию понятна. Однако в нашем отчасти традиционном обществе*

такая реакция на горе была не всеми принята. Отсюда осуждение и разные конспирологические домыслы, осуждение женщин, потерявших самое дорогое, что у них было, детей. Такая несправедливая реакция общества, безусловно, еще больше их травмировала и усиливала горе. Даже сейчас кой у кого бытует мнение, что ими кто-то руководит. И это удручает, потому что демонстрирует отсутствие солидарности в обществе» (журналист, муж., 57 лет).

Эксперты полагают, создание общественной организации после трагедии — правильный шаг. Комитет был сформирован под эмоциональным воздействием, но задачи в нем ставятся реальные и, как правило, решаются эффективно. *«Для части потерпевших создание организации стало экзистенциальной потребностью, так как через действия "во имя памяти" они ощущают реализацию своего оборванного материнства»,* — утверждает один из экспертов (руководитель НКО, жен., 47 лет).

Таким образом, «Матери Беслана» — уникальный пример того, как группа жертв трансформируется в активного актора гражданского общества. В процессе конструирования памяти о травме и борьбы за правду и справедливость женщины пытаются создавать новые экзистенциальные смыслы.

Направления деятельности комитета как практики конструирования антитеррористических смыслов

Деятельность «Матерей Беслана» направлена на осмысление трагедии, формирование коллективной памяти и выработку антитеррористических ценностных ориентиров. Ее можно анализировать через четыре ключевых записанных в Уставе организации направления, каждое из которых вносит вклад в этот процесс.

1. «Правда и справедливость»: расследование и правовая защита как конструирование смысла «неотвратимости наказания» и «права жертв». Это направление центральное и предназначено для создания альтернативного нарратива, основанного на принципах правды и ответственности. Независимый сбор информации и формулирование альтернативных версий событий послужили основой для критики официального расследования. Эта деятельность была нацелена на несогласие с официальной версией произошедшего и установление подлинной, с точки зрения комитета, истории памяти о трагедии, основанной на идее системных недоработок государства [2].

Подача исков в национальные и международные суды (включая дело «Тагаева и другие против России» в Европейском суде по правам человека) была не просто юридической практикой, но и мощным символическим актом конструирования смысла «неотвратимости наказания» даже в условиях его недостижимости на национальном уровне [12]. Эта позиция комитета отстаивает нарратив о приоритете «права жертв» на правду и справедливость [5].

2. «Память и предупреждение»: мемориализация как формирование смысла «ценности жизни» и «неприятя террора». Деятельность по сохранению памяти была

направлена на превращение индивидуальной травмы в коллективно разделяемую и обладающую объединяющим смыслом [13]. Среди основных мероприятий — организация ежегодных траурных мероприятий и создание мемориалов («Город Ангелов», музей в школе №1), они являются классическими практиками габитуализации памяти [1], превращающими горе в устойчивые, повторяющиеся ритуалы. Эти ритуалы служат укреплению групповой солидарности и формированию «мест памяти» [6].

При этом просветительская работа (лекции, публикации, документальные фильмы) была сосредоточена на трансляции «уроков Беслана», которые формулируются как универсальные ценности: абсолютная «ценность жизни» и абсолютное «неприятие террора». Ключевым элементом этого нарратива стало формирование образа жертвы-ребенка как универсального символа невинности и незащищенности от абсолютного зла, в данном случае — терроризма. Этот образ обладает мощным эмоциональным и мобилизационным потенциалом, транслируя антитеррористический посыл за пределы конкретного политического и исторического контекста, обращаясь к общечеловеческим ценностям [13].

3. «Голос жертв Мира»: народная дипломатия как конструирование смысла «глобальной солидарности» против зла и насилия. Это практика «народной дипломатии» (track-two diplomacy) [8], где негосударственные акторы берут на себя функцию международного представительства.

Установление контактов с международными правозащитными организациями (ассоциация «Франция — Европа — Беслан», благотворительный фонд *Bambini di Russia*, американская религиозно-гуманитарная организация «Новые нивы» и другие), встречи с иностранными политиками и участие в международных конференциях позволяли комитету вывести историю Беслана на глобальный уровень. Эта деятельность отвечает за конструирование смысла «глобальной солидарности» в борьбе с терроризмом. Обращаясь к мировой аудитории, комитет представляет трагедию не как локальный российский инцидент, а как часть общей транснациональной угрозы [14].

Как видим, комитет создает нарратив, в котором борьба с терроризмом должна вестись не на основе политических интересов отдельных государств, а на основе общечеловеческих гуманистических принципов солидарности и совместной ответственности международного сообщества перед жертвами. *«Удивительно, — размышляет один из экспертов, — как удалось этим женищинам, прежде далеким от общественной деятельности, выстроить такую сеть горизонтальных эффективных связей не только в рамках своей страны, но и за ее пределами. Только безусловная материнская любовь способна так бороться за память о своих детях»* (госслужащая, 47 лет, жен.).

4. «Солидарность и поддержка»: внутренняя работа как формирование смысла «сообщества выживших». Внутренняя работа комитета — это фундамент, на котором строится вся его публичная деятельность и уникальная практика гражданской активности, в результате которой создаются смыслы. Деятельность включает оказание психо-

логической и материальной поддержки, формирование сети взаимопомощи, направленных на создание «сообщества выживших» — группы, объединенной не только общей травмой, но и общими ценностями, взаимными обязательствами и коллективной идентичностью [3].

Это сообщество стало той самой «социальной рамкой» [9], внутри которой только и может сохраняться и передаваться разделяемая версия памяти, воспоминания об ушедших детях, боль и страдания, переживаемые одинаково. Укрепление внутренней солидарности необходимо для отстаивания своей правды и своих интересов, противостояния попыткам дискредитации. Также оно служит эмоциональным ресурсом для ведения дальнейшей деятельности.

«Матери Беслана» — пример трансформации коллективной травмы в организованную социальную практику. Анализ деятельности комитета позволяет рассматривать его не только как правозащитный институт, но и как сообщество взаимопомощи, формирующее основу для устойчивости пострадавшей группы. В рамках такого сообщества совместные действия по защите человеческого достоинства и памяти становятся ключевым ресурсом преодоления последствий трагедии.

Интервью и опросы подтверждают высокий уровень поддержки создания общественной организации, защищающей интересы потерпевших и транслирующей и идеи мира, и антитеррористические нарративы. Идея создания специализированной общественной организации для защиты прав потерпевших получила широкое одобрение в их среде. Согласно результатам опроса две трети респондентов (65 %) однозначно одобряют это решение, еще 15 % скорее одобряют. Таким образом, совокупный уровень поддержки составляет 80 %. Против создания организации высказались лишь 10 % опрошенных, а 10 % затруднились с ответом, что может свидетельствовать о наличии в группе неопределенности или внутренних конфликтов.

Деятельность комитета оценивается в целом положительно. Почти половина респондентов (47 %) однозначно одобряет его работу, а каждый четвертый (23 %) — скорее одобряет. Суммарный показатель позитивных оценок достигает 70 %. При этом каждый пятый (20 %) затруднился с оценкой, что может указывать на недостаточную информированность или сложность восприятия результатов деятельности. Доля явных противников работы комитета составляет 10 %.

Наиболее значимыми для сообщества оказались функции, связанные с социальной защитой и мемориализацией:

- сохранение памяти получило высшую оценку (65 % положительных ответов);
- вопросы социальной защиты отмечены чуть меньшим количеством респондентов и находятся на сопоставимо высоком уровне (60 %);

- формирование антитеррористических нарративов оценивается ниже (45 %), что, вероятно, связано с более узкой или специфической аудиторией, вовлеченной в эту деятельность.

Наименее эффективной респонденты считают работу комитета по содействию в расследовании (35 % положительных оценок). Низкий показатель может отражать субъективно высокие, не удовлетворенные в полной мере ожидания членов сообщества в этой сфере.

Ключевые антитеррористические нарративы, формируемые комитетом «Матери Беслана»

Общественная работа «Матерей Беслана» по осмыслению трагедии может быть систематизирована через выделение пяти ключевых нарративов, которые выполняют функцию смыслового противостояния терроризму. Эти нарративы, конструируемые через правовую, мемориальную и публичную практику, формируют целостную систему антитеррористических ценностей.

1. Нарратив «Абсолютного зла и невинных жертв», краеугольный камень в деятельности комитета, основан на радикальном противопоставлении добра и зла, где терроризм лишается каких-либо рациональных оснований или политических оправданий, будучи представлен как «абсолютное зло», противостоящее самой жизни [2]. Ключевой ресурс для его конструирования — образ ребенка-жертвы, выступающего универсальным символом невинности, незащищенности и оборванного будущего [14]. Этот образ, активно используемый в визуальной риторике (фотографии, мемориалы), обладает максимальным эмоциональным воздействием и транслирует идею непреходящей ценности человеческой жизни как высшей антитезы террористическому насилию [6]. Таким образом, терроризм осуждается не с политической или идеологической, а с экзистенциальной и моральной позиций.

2. Нарратив «Права на правду и справедливость» позволяет связать борьбу с терроризмом с необходимостью установления полной и всесторонней правды о каждом конкретном теракте и обеспечения справедливости для пострадавших через механизмы права [9]. Комитет настаивает на том, что без выполнения этих условий невозможно ни настоящее исцеление общества, ни эффективное противодействие терроризму в будущем. Правда понимается не как абстрактная категория, а как точная реконструкция всех событий [11].

3. Нарратив «Государственной ответственности и реформ». Комитет развивает нарратив, возлагающий на государство позитивную обязанность по защите жизни граждан [15]. В этом контексте террористическая атака рассматривается не только как акт внешнего зла, но и как следствие системных недоработок в работе отдельных структур [16].

4. Нарратив «Памяти как оружия против забвения и повтора» конструирует память не как пассивное воспоминание, а как активный инструмент профилактики терроризма [13]. Сохранение «живой», эмоционально насыщенной памяти о боли и страданиях жертв рассматривается как ключевой элемент воспитания общественного иммунитета к насилию и ксенофобии, питающих терроризм [3]. Мемориальная деятельность (траурные церемонии, музей, документальные фильмы, книги) интерпретируется как работа по извлечению «уроков Беслана» — универсальных гуманистических принципов, усвоение которых должно предотвратить повторение трагедий. Так, память становится не оружием мести, а оружием защиты будущего, основанном на сострадании и утверждении ценности мира.

В рамках этой стратегии комитет добился возведения мемориала «Беслан. Школа № 1», ежедневно посещаемого сотнями людей; создал фотоэкспозицию, которую представил в городах республики, Северного Кавказа (Нальчик, Черкесск, Махачкала), страны (Москва, Санкт-Петербург, Волгоград) и в Республике Южная Осетия. Кроме этого, существует договоренность привезти фотоэкспозицию в штаб-квартиру ООН. Самоотверженность членов комитета не дает трагедии уйти в забвение и напоминает обществу об ответственности за мир детства. *«Я была свидетелем воздействия фотоэкспозиции на посетителей, особенно на молодежь. Думаю, что это наиболее эффективный метод противодействия терроризму. Когда сами очевидцы трагедии рассказывают о злодеяниях террористов, это имеет сильное эмоциональное воздействие на участников. Уверена, они не забудут эти встречи. Удивляет стойкость матерей, которые каждый раз, представляя экспозицию, переживают травмирующее событие заново не только ради памяти, но и ради предупреждения и защиты других от такого страшного явления, как терроризм»,* — комментирует деятельность один из экспертов (журналист, жен., 29 лет).

5. Нарратив «Международной солидарности» выводит проблему терроризма за национальные рамки, представляя его как транснациональную угрозу, требующую глобального ответа [17]. Комитет предлагает, кроме силовых моделей международной кооперации, модель солидарности, основанную на примате прав человека и поддержке жертв [8]. Обращаясь к международным организациям и общественности, комитет стремится создать «коалицию сострадания», которая могла бы оказывать давление на правительства для принятия более эффективных и гуманистически ориентированных антитеррористических стратегий [18]. Этот нарратив конструирует образ «гражданина мира», чья безопасность является общей ответственностью, а опыт страдания — основанием для объединения вне политических разногласий.

Комитет активно сотрудничает с такими международными общественными организациями, как «Франция — Европа — Беслан» (Франция), религиозная организация «Новые Нивы» (США), итальянский благотворительный фонд «Помогите спасти детей» и другими. Именно последняя была одним из инициаторов выдвижения «Матерей

Беслана» на Нобелевскую премию мира. Номинация призвана отметить усилия комитета по сохранению памяти о жертвах трагедии и его многолетнюю правозащитную и антитеррористическую деятельность.

Согласно регламенту Нобелевского комитета для выдвижения кандидата требуется поддержка уполномоченных лиц, в том числе действующих политиков, а также наличие общественного запроса. Официальное предложение было направлено министром труда Сан-Марино Алессандро Бевитори. Кроме этого, была получена поддержка итальянского сенатора Франческо Сильвестро. Параллельно итальянские активисты, включая президента благотворительной организации Эннио Бордато и общественного деятеля Мауро Мурджа, запустили петицию «Беслан — раненое сердце человечества» со сбором подписей в поддержку кандидата. Хотя комитет пока не стал лауреатом Нобелевской премии, сам факт выдвижения служит признанием его эффективной деятельности.

Многолетняя деятельность «Матерей Беслана» значительно повлияла на несколько ключевых сфер. Во-первых, они успешно привлекли внимание национальной и международной общественности к проблемам пострадавших от терактов. Их представители стали регулярными участниками международных площадок, что позволило интернационализировать проблему. Это соответствует модели boomerang effect, когда жертвы привлекают международных акторов к сочувствию для решения коллективных проблем [18].

Во-вторых, комитет сформировал устойчивый альтернативный источник информации вокруг событий в Беслане. В условиях доминирования официального государственного нарратива комитет стал конкурирующим «каркасом памяти» [3], предлагая интерпретацию событий в виде «правды заложников».

В-третьих, комитет внес решающий вклад в мемориализацию трагедии. Благодаря его активности Беслан стал символом национальной и международной трагедии, а 3 сентября в России — официальным Днем солидарности в борьбе с терроризмом.

В-четвертых, комитет воздействовал на формирование антитеррористических установок, основанных на эмпатии и сочувствии к жертвам, а также на призывах к органам государственной власти быть более бдительными и ответственными в вопросах безопасности. Это демонстрируют данные социологических опросов, показывающие рост доверия к организациям жертв терактов в середине 2000-х годов. Так, по результатам опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения, проводимых в 2010–2023 годах, 68 % респондентов считают собственный голос важным в вопросах безопасности; 54 % отмечают, что их активность повлияла на ужесточение антитеррористических мер в школах.

«Матери Беслана» утвердили себя как важный элемент гражданского общества, вносящий гуманистическое измерение в антитеррористическую борьбу. Их работа сместила акцент с исключительно силовых и политических аспектов борьбы с террориз-

мом на этические, правовые и мемориальные [2]. Это способствовало формированию «антитеррористического консенсуса», основанного не на страхе и ксенофобии, а на сострадании, памяти и ценности человеческой жизни.

Таким образом, «Матери Беслана» выступают примером того, как группа объединенных травмой граждан может стать активным агентом в конструировании публичной памяти и формировании гуманистической антитеррористической культуры, несмотря на объективные ограничения и структурное противодействие.

Проведенное исследование раскрывает специфику деятельности «Матерей Беслана» как уникального социального феномена в контексте формирования антитеррористических смыслов в современном российском обществе. Из результатов анализа данных следует, что комитет «Матери Беслана» стал важным социальным институтом для сообщества потерпевших, выполняя не только утилитарные функции (соцзащита, правовая помощь), но и символические — сплачивая группу вокруг общей памяти и идеи взаимопомощи. Подтверждается тезис о том, что даже в условиях глубокой травмы возможно формирование устойчивого сообщества, построенного на солидарности и коллективном действии.

Из анализа эмпирических данных видно, что «Матери Беслана» — активный и эффективный агент социального конструирования антитеррористических смыслов. Их деятельность — уникальный синтез правозащитной, мемориальной и публичной дипломатической практик по переосмыслению травматического события и формированию на его основе новых ценностных ориентиров [1, 2]. В результате этой деятельности был сформирован комплекс взаимосвязанных нарративов:

- нарратив «абсолютного зла и невинных жертв» выводит осуждение терроризма в морально-этическую плоскость;
- нарратив «права на правду и справедливость» связывает безопасность с правовыми гарантиями и ответственностью государства;
- нарратив «память как оружие» — инструмент профилактики;
- нарратив «международной солидарности» как гуманистическая альтернатива силовой модели борьбы с терроризмом [14, 6].

Конкретные практики комитета — независимый сбор информации, организация мемориальных акций и установление международных контактов — выступают не просто как действия, а как инструменты легитимации этих альтернативных смыслов в публичном пространстве [18, 13]. «Матери Беслана» демонстрируют, как общественные организации переопределяют антитеррористический дискурс, расширяя круг его субъектов. Их работа делает безопасность не только прерогативой государства, но и сферой гражданского участия, создавая новые смыслы через память, моральную ответственность и альтернативные модели превенции.

Выводы

Научная новизна статьи состоит в рассмотрении организации жертв террора как активного «морального предпринимателя» и конструктора альтернативных смыслов безопасности, что расширяет традиционные представления о субъектах антитеррористической деятельности. В научный оборот вводится комплексный анализ специфического кейса, практически не изученного с предложенных теоретических позиций. Проведенное на примере комитета исследование доказывает, как группа акторов, объединенная травмой, способна инициировать и вести сложную работу по конструированию новых значений и интерпретаций событий, обладающих высокой социальной значимостью. Полученные результаты будут использованы для разработки государственных и общественных программ поддержки жертв терактов, совершенствования антитеррористической политики, развития гражданского общества, расширения практики международного взаимодействия в сфере обеспечения безопасности, минуя политические барьеры.

Проведенная работа открывает перспективы для будущих исследований. Например, сравнительный анализ «Матерей Беслана» с другими организациями жертв террора в России («Норд-Ост») и в мире (израильские, американские, испанские ассоциации) позволит определить универсальные и специфические черты подобных движений. Эмпирическое изучение восприятия деятельности комитета различными социальными группами (молодежь, государственные служащие и другие) даст возможность оценить их реальное воздействие на общественное сознание. При помощи мониторинга законодательных инициатив, образовательных программ и мемориальных практик может быть выявлено влияние на государственную антитеррористическую политику и культуру памяти в России. Также может быть организовано исследование внутренней динамики и проблем устойчивости подобных организаций, включая вопросы смены поколений, эмоционального выгорания и адаптации стратегий в меняющемся социополитическом контексте.

Таким образом, феномен комитета «Матери Беслана» служит богатым источником для социологического анализа, поскольку находится на пересечении теорий памяти, травмы, социальных движений и конструирования реальности и остается актуальным объектом для дальнейшего научного осмысления.

Список источников

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с. – Текст : непосредственный.
2. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / Дж. Александер; пер. с англ. Г. К. Ольховикова; под науч. ред. Д. Ю. Куракина. – Москва : Праксис; Институт Фонда «Общественное мнение», 2013. – 640 с. – Текст : непосредственный.
3. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с. – Текст : непосредственный.
4. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.

5. Беккер, Г. Аутсайдеры. Исследования по социологии девиантности / Г. Беккер; пер. с англ. – Москва : Элементарные формы, 2018. – 208 с. – Текст : непосредственный.
6. Ассман, Я. Забвение истории — одержимость историей? / Я. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с. – Текст : непосредственный.
7. Хабермас, Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас; пер. с нем. – Москва : Весь Мир, 2016. – 344 с. – Текст : непосредственный.
8. Montville, V. Track Two Diplomacy: the Arrow and the Olive Branch / V. Montville // *The psychodynamics of international relationships*. – 1991. – Vol. 2, Issue 1. – P. 66-81. – Text : direct.
9. Campbell, B. The Rise of Victimhood Culture. Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars / B. Campbell, J. Manning. – Palgrave Macmillan, 2018. – 281 p. – Text : direct.
10. Официальные данные Следственного комитета РФ по делу о теракте в Беслане). – Текст : электронный // Следственный комитет РФ: сайт. – URL: <https://sledcom.ru> (дата обращения: 15.09.2025).
11. Макфарлейн, А. Травма и ее вызов обществу / А. Макфарлейн, Б. Ван дер Колк. – Текст : непосредственный // *Консультативная психология и психотерапия*. – 2003. – Т.11, № 1. – С. 7–30.
12. Решение ЕСПЧ по делу «Тагаева и другие против России» (жалоба № 26562/07). 2017. – Текст : электронный // [kommersant.ru](https://kommersant.ru/doc/3415660): сайт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3415660> (дата обращения: 15.08.2025).
13. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора. – Москва : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 391–402. – Текст : непосредственный.
14. Sontag, S. Regarding the Pain of Others / S. Sontag. – Farrar, Straus and Giroux, 2003. 131 p. – Text : direct.
15. Kaldor, M. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era / M. Kaldor (3rd edn.). – Cambridge : Polity Press, 2012. – 268 p. – Text : direct.
16. Чеджемов, Т. Б. Правда о Бесланской трагедии: статьи и речи / Т. Б. Чеджемов. – Владикавказ, 2006. – 108 с. – Текст : непосредственный.
17. Beck, U. Power in the Global Age: A New Global Political Economy / U. Beck. – Cambridge : Polity Press, 2005. – 365 p. – Text : direct.
18. Keck, M. E. Activists beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics / M. E. Keck, K. Sikkink. – Cornell University Press, 2014. – 240 p. – Text : direct.

References

1. Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow, Medium Publ., 323 p. (In Russian).
2. Alexander, J. (2013). *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Moscow, Praksis; Fond "Obshchestvennoe mnenie" Institute Publ., 640 p. (In Russian).
3. Halbwachs, M. (2007). *The Social Frameworks of Memory*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 348 p. (In Russian).
4. Sztompka, P. (2001). Social Change as Trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (1), pp. 6-16. (In Russian).
5. Becker, H. S. (2023). *Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance*. Moscow: Elementarnye formy Publ., 208 p. (In Russian).
6. Assmann, A. (2019). *History's Anamnesis: Obsessed with History?* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 552 p. (In Russian).

7. Habermas, J. (2016). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Moscow, Ves' Mir Publ., 344 p. (In Russian).
8. Montville, J. V. (1991). Track Two Diplomacy: The Arrow and the Olive Branch. *The Psychodynamics of International Relationships*, 2(1), pp. 66-81. (In English).
9. Campbell, B., Manning, J. (2018). *The Rise of Victimhood Culture. Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars*. Palgrave Macmillan, 281 p. (In English).
10. Ofitsial'nye dannye Sledstvennogo komiteta RF po delu o terakte v Beslane. Available at: <https://sledcom.ru> (accessed: 15.10.2023). (In Russian).
11. Makfarleyn, A., & Van der Kolk, B. (2003). Travma i ee vyzov obshchestvu. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 11(1), pp. 7–30. (In Russian).
12. Reshenie ESPCH po delu «Tagaeva i drugie protiv Rossii» (zhaloba № 26562/07). (2017). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3415660> (accessed: 15.08.2025). (In Russian).
13. Nora, P. (2005). *Vsemirnoe torzhestvo pamyati*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, (2-3 (40-41)), pp. 55–68. (In Russian).
13. Sontag, S. (2003). *Regarding the Pain of Others*. Farrar, Straus and Giroux, 131 p. (In English).
14. Kaldor, M. (2012). *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. (3rd edn.). Cambridge, Polity Press Publ., 268 p. (In English).
16. Chedzhemov, T. B. (2006). *Pravda o Beslanskoy tragedii: stat'i i rechi*. Vladikavkaz, 108 p. (In Russian).
17. Beck, U. (2005). *Power in the Global Age: A New Global Political Economy*. Cambridge, Polity Press Publ., 322 p. (In English).
18. Keck, M. E., Sikkink, K. (1998). *Activists beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics*. Cornell University Press, 240 p. (In English).

Информация об авторе / Information about the author

Анета Николаевна Гадиева, кандидат социологических наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований ВНИЦ РАН, г. Владикавказ; Центр исследования приграничных регионов юга России Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Владикавказ, izmir-alana@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1681-037X>

Aneta N. Gadieva, Candidate of Sociological Sciences, V. I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies VSC of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz; Centre for the Study of Border Regions of the South of Russia, Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, izmir-alana@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1681-037X>

Статья поступила в редакцию 09.10.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 12.11.2025.
The article was submitted 09.10.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 12.11.2025.